

УДК 94(470.56).084

Д. А. Сафонов

«Оскорбление Величества» как индикатор общественного сознания провинциального общества конца XIX — начала XX века

Сплошное изучение уголовных дел одного региона — Оренбургской губернии, — возбужденных по статьям об «оскорблении Величества» (ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.) и ст. 103 Уголовного уложения (1903 г.)), позволило сделать ряд наблюдений: заявления и суждения привлеченных к расследованию лиц есть свидетельство их уровня представлений о жизни высших эшелонов власти. В рамках рассматриваемого временного периода произошло осязаемое развитие общественного правосознания масс. Существующее в историографии традиционное мнение о том, что данные материалы есть свидетельство отказа масс от «наивного монархизма», их отношения к самодержавию, требует корректировки.

Ключевые слова: провинция, общественное сознание, правосознание, самодержавие, «оскорбление Величества», царь.

Среди источников 2-й половины XIX — начала XX века особую группу составляют дела, сосредоточенные в фондах губернских архивов, которые можно определить как дела «об оскорблении Величества», т.е. возбужденные по статье 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.) и заменившей ее статье 103 Уголовного уложения (1903 г.): «Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие оскорбительные слова против Государя Императора, или с умыслом будет повреждать, искажать или истреблять выставленные в присутственном месте портреты, статуи, бюсты или иные изображения Его, тот за сие оскорбление Величества присуждается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от шести до восьми лет» (ст. 246) [83, с. 208]; «Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозе Их Особе, или в надругательстве над Их изображением, учиненных непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с той же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет» (1903 г.) [79].

Эти дела обладают схожими и некоторыми характерными чертами: как правило, их достаточно много, они типовые по оформлению, значительная часть таковых была связана с оскорблением «скверноматерными словами», что делало данную группу источников доступной для изучения в комплексе. Множественность примеров площадной ругани в отношении царствующей семьи, с обязательным дословным воспроизведением сказанного, как бы снижала уровень конфликта, низводя таковой до бытового правонарушения или даже бескультурья.

Тем не менее сложилась историографическая традиция видеть в произнесениях, причем исключительно крестьян, прежде всего их антицаристское содержание, независимо от формы и лексики. Традиция эта берет начало с народников, высоко оценивших сведения об оскорблениях: «Человек, оскорбительно отзывающийся о представителе верховной власти или произносящий против нее угрозы, очевидно, в душе не уважает этой власти и более или менее озлоблен против нее...» (листок «Народная воля», № 5 от 5.2. 1881 г.) (цит. по: [2, с. 170—171]).

© Сафонов Д. А., 2017

В 1922 г. В. Пищулин полагал нарастание числа дел «о произнесениях» ярким свидетельством эффективности революционной агитации в крестьянских массах народниками. Признавая, что абсолютное большинство таковых совершались в пьяном виде, автор рассуждал: «Допустим, что это делается в состоянии опьянения. Что это доказывает? Трезвый более способен скрывать то, что он чувствует и как он настроен, чем нетрезвый... Анализ психофизиологический вскрывает истинный смысл этих фактов, и мы на основании их можем сказать, что настроение народа было резко противоправительственное, что пропагандисты часто имели успех» [80, с. 115—116]. В дальнейшем исследователи высказывались, быть может, не столь детально, но не менее эмоционально: антицаристские высказывания «отразили не только нарастающее недовольство крестьян царем, но и раскрывают те причины, которые разрушили или ослабили веру части крестьян в царя, как защитника их интересов» [1, с. 50], «дерзость» в отношении к царской особе становится «основным видом проявления бунтарского духа» [75, с. 61]; это «процесс проникновения в общественное сознание крестьян критического взгляда на царя» [78, с. 216]; это «живая иллюстрация стереотипных представлений о царе и обществе, распространенных в гуще народа» [82, с. 215]; «коррозия базовых ценностей крестьянства» [76, с. 42] и т.п.

В целом для работ, касающихся следственных дел об «оскорблении Величества», можно отметить несколько общих моментов. Подобные дела всегда признавались важным массовым источником, но при этом практически никто из авторов никогда не приво-дил точной статистики. Избирательное цитирование документов позволяло подтвердить практически любой тезис, и прежде всего о нарастающем антимоноархизме крестьян¹.

Абсолютное большинство работ касается только крестьян — попыток аналогичного анализа общественного сознания представителей иных сословий, по сути, нет. И наконец, все авторы рассматривали следственные дела исключительно как письменные источники, без учета их правового содержания, не учитывая юридической (правовой) стороны происшедшего, например отделяя от прочих случаев высказывания, сделанные, по их мнению, «неосознанно, без умысла» (И. В. Кузнецов), как «случайные», «карнавальные» оскорбления (Н. А. Коновалова), т.е. ругательства. Отсюда последние воспринимались как едва ли не шалость, недостаток культуры, иными словами, если и оскорбление, то ненамеренное, и потому совершенно лишним было карать за это так же строго, как за более серьезные слова и дела: «Упоминание царя с использованием известного круга идиоматических выражений, зачастую в пьяном виде, в гостях или на праздниках — часто встречавшееся явление, сопоставимое, на наш взгляд, с наличием в русской нецензурной лексике поругания образа матери. Ни умысла, ни отрицательного отношения к монарху в данных высказываниях не наблюдается» [77, с. 215]. Но сложность заключается в том, что формула статьи закона никак не дифференцировала подобное. Любые «произнесения», независимо от того, в какой форме они делались, были нарушением существующего закона и потому, независимо от мнения исследователя, они были совершенно равноценны с точки зрения ответственности и, разумеется, наказания.

Рассмотреть проблему в пределах всей страны весьма затруднительно; кроме того, нельзя не учитывать обязательные региональные особенности. Первая такая попытка проанализировать полный комплекс документов в пределах одной губернии — в данном случае Оренбургской — была предпринята нами в 2016 г. [81]. По периоду 1885—1917 (до февраля) гг. в результате сплошного изучения всего комплекса документов Государствен-

¹ Так, например, автор пишет: «Примеров того, что крестьянство считало Николая II «грабителем» и «кровопийцей», в материалах следственных дел множество», после чего приводит всего 4 конкретных примера [76, с. 46].

ного архива Оренбургской области (ф. 10 — Канцелярия Оренбургского губернатора и ф. 21 — Оренбургское губернское жандармское управление) нами обнаружено и зафиксировано 299 эпизодов¹. За учетную единицу взят эпизод правонарушения, причем учитывались только те случаи, когда происходило возбуждение дела и создание последующего делопроизводства. Также существуют довольно объемные архивные дела, как бы аккумулирующие отдельные документы по отдельным эпизодам — преимущественно заявления, оставленные без последствий, что несет дополнительную информацию.

Рассмотрим, что собой представляли те, кого привлекали по названным статьям. По нашим данным, таковых 283 человека. Из них крестьяне составляли 50,8%, башкиры 8,8%, мещане 15%, казаки 8,5%, отставные солдаты 2,8%. Все прочие — менее одного процента: торговец, учитель, конторщик, лесной кондуктор и т.п. Делать из этого заключение, что именно крестьяне были наиболее активны в подобном проявлении неуважения к монарху и, соответственно, сознание их развивалось наиболее активно, было бы явным преувеличением. Абсолютное преобладание крестьян по сравнению с прочими условиями достаточно объясняет их преобладание в процентном отношении как привлеченных по статьям. Более уместно наблюдение, что информаторы, дававшие исходные данные для заведения дела, были, как правило, тоже из крестьянской среды, а значит, именно в среде крестьянства мы наблюдаем прогресс в сфере развития правосознания. Поясним последний тезис.

Свидетели играли серьезную роль в деле доказывания вины. Но возможно разделить их на условные две группы: тех, кто сообщал о правонарушении, и тех, кто мог подтвердить факт правонарушения. Рассуждая логически, первых не могло быть меньше отмеченных в документах случаев (299), поскольку кто-то же был должен инициировать начало процедуры расследования. И все же по документам таковых людей значительно меньше. По нашим подсчетам, в документах отмечено 54 чел., т.е. только в 18% случаев, что убедительно говорит в пользу того, что власти в принципе не интересовали ни социальное, ни социальный статус сообщавшего — только факт содеянного. Упоминание же некоторых деталей, выходящих за условные рамки требуемой для инициации дела информации, было вызвано разными объективными причинами: среди сообщавших встречаем крестьян, башкир, казаков, купцов, проституток, тюремных служащих, приставов, священников, мещан и т.п. (по нашим данным 18 вариантов). Большинство из них встречаются эпизодически, в 1—2 случаях; более всего крестьян (38,9% от общего числа) и казаков — 24%. Если к последним прибавить тех, кто находился на какой-либо службе (служащий, пристав и т.п.) и потому реагирование на подобного рода нарушения как бы входило в их служебные обязанности, то получается также 38,9%. Значительный процент казаков объясняем спецификой региона — наличием казачьего войска; а вот почти 40% крестьян от общего числа вполне согласуется с приведенным выше показателем привлеченных по статьям вообще.

Оценка личностей заявителей в отечественной литературе достаточно традиционна: термины «донос», «доносчик» на бытовом уровне однозначно несут моральное осуждение; Б. Г. Литвак, например, даже специально различал свидетелей и доносчиков [78, с. 216]. Вкупе с тезисом о чуждости эксплуататорского государства (а значит, и его законов) трудящимся картина получалась достаточно ясная. Так, Литвак отрицал сам факт правонарушения (комментируя статью уголовного уложения, он показательно брал слово «преступление» в кавычки [74, с. 37]). Сами же информаторы оценивались им с достаточно четкой позиции: «...при внимательном анализе мотивов доноительства выясня-

¹ Если точнее, то первый случай фиксации нарушения ст. 243 в крае приходится на март 1887 г., последний (ст. 103) — на август 1916 г.

ется, что ими являются вовсе не какие-то идейные принципы доносителя, а семейные ссоры, различные обиды и недоразумения между соседями, месть за наказание или грубость должностных лиц» [78, с. 220]. Между тем налицо подмена (умышленная или нет) понятий правовых моральными. С правовой точки зрения статьи закона, как бы к ним ни относился историк-комментатор, есть нормы права, подчинение которым общеобязательно, а оценка существующей нормы закона с моральной точки зрения оценивающего возможна, но юридически ничтожна. Законопослушный гражданин не может и не должен скрывать информации о совершенном преступлении. Кстати, понятие «недонесение» существовало в УК России на всем протяжении советского периода до 1996 г., и оснований для морального осуждения советскими авторами подобных действий вроде и не должно было быть. Но упомянутый выше тезис о чуждости государства трудящимся как бы снимал это несоответствие.

По нашему мнению, сообщение о правонарушении есть признак определенного уровня правосознания; в данном варианте это и показатель правовых знаний, и осведомленности о соответствующем законе и личной ответственной позиции человека. Это тем более интересно, поскольку специального правового просвещения масс, как известно, власти не осуществляли. Варианты сообщения о правонарушении были разные. В 1877 г. был схвачен крестьянами с. Исаево Оренбургского уезда и передан унтеру отставной ученик плотницкого дела из Тамбовской губ. Ф. Тельнев за слова «покойный государь Николай Павлович обещал нам бесплатно дать землю, а этот царь разорил нас» [3, л. 57—62]. В 1896 г. А. Алданов на х. Нижне-Белгушинский Орского уезда сказал, что царь «долго не процарствует, что его скоро убьют»; присутствовавший при этом местный крестьянин подал заявление сельскому старосте [69, л. 10]. 30 сентября 1896 г. рабочий крестьянин Белорецкой вол. П. Заворуев показал четырем работавшим с ним серебряную монету с портретом со словами «это не государь, а язва» — все четверо сообщили полицейскому уряднику [69, л. 41]. Тогда же, в 1896 г., в Миасской станице несколько пьяных казаков подошли к казенной винной лавке и спросили приказчика, «что слышно о манифесте». Тот стал рассказывать содержание. Урядник Н. Худаков прервал его словами: «надо убить государя... Когда будет другой царь, нам еще больше будет снисхождения». Другой казак из этой группы на следующий день заявил о сказанном [20, л. 2]. В начале 1897 г. на постоялом дворе в Верхнеуральске постоялец матерно отозвался о царе. Казак А. Хасанов переписал имена присутствующих и подал заявление местному полицейскому надзирателю [12, л. 1]. Летом 1901 г. мещанин Жуков сообщил в полицию, что слышал «дерзкие слова», «кто сказал, не знает, но может показать его» [27, л. 1]. В 1903 г. писец сетного купца А. Коробицин стал бить кнутом трех лежащих ямщиков. На возмущение одного: «Теперь даже на военной службе не дерутся, так как государь император запретил бить людей» — Коробицин отозвался о царе матерно. Один из трех ямщиков сообщил полицейскому надзирателю [29, л. 2—2 об.]. В 1904 г. крестьянин Орского уезда П. Иванов, услышав ругань в адрес царя, прямо сказал грубияну, что сообщит «в жандармерию» [32, л. 1—1 об.]

Особо отметим участие в происходившем детей. В 1896 г. в Оренбурге работник пекарни, возмущаясь, что его рано разбудили ставить хлеб, матерно поносил и начальство, и синод, и царя. Сидевший на печке мальчик Петров 13 лет записал сказанное, а затем отнес в полицию [22, л. 1—2]. Почти аналогично поступила 15-летняя дочь писца, ставшая свидетельницей оскорбления царского портрета в правлении в 1902 г. [35, л. 2].

В реальности в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», точнее в ст. 247, заключалась определенная проблема: «Бывшие свидетелями означенных в статье 246 дерзких поступков или слов и не препятствовавшие оным, а равно не донесшие о

них ближайшему местному начальству, подвергаются: аресту на время от одного до семи дней» [83, с. 174—175].

Выскажем предположение, что сообщение о случае произнесения снимало возможные претензии к сообщившему (как «не донесшему»), а отсутствие обязательного второго свидетеля дело прекращало. В случае если даже в ходе расследования свидетель оставался один, дело прекращалось за недоказанностью — как это случилось, например, в 1904 г. с крестьянином Кошурниковым, матерно выругавшим царя при аресте за воровство; в итоге дело прекращено по этой статье, так как из свидетелей остался только один, второй уехал [31, л. 1]. Сходным образом оставшийся единственный свидетель обеспечил прекращение дела против башкира Т. Таксыкужина из Оренбургского уезда, публично заявившего «Что за царя молиться. Он живет далеко в Петербурге, за меня молитесь» [31, л. 45].

Упомянутая статья 247 означала угрозу наказания для несообщивших, но одновременно она создавала проблемы для сообщивших, поскольку в дальнейшем им надлежало давать показания, участвовать в суде — так или иначе быть вовлеченными в разбирательство. Тем удивительнее утверждение Б. Г. Литвака, что по каждому делу Московской судебной палаты свидетелями выступало «иногда до десятка (бывало и больше) крестьян» [78, с. 216]. В Оренбуржье, напротив, подобного не наблюдалось.

Становиться свидетелем особо никому не хотелось — вероятно, за исключением случаев, когда свидетель был заинтересован в результатах, но об этом ниже. Достаточно типичная ситуация — большое количество потенциальных свидетелей и полный отказ: летом 1894 г. в д. Хохлов Птиченской вол. зачитывали манифест о короновании их величеств 1883 г., один из крестьян позволил себе сказать «мать твою ети с манифестом». Другой крестьянин М. Григорьев обратился к присутствующим: «слышите, господа, разве о манифесте можно так говорить, который издан и подписан царем», но все свидетели разошлись в стороны [6, л. 109]. В декабре 1898 г. верхнеуральский мещанин Е. Самойлов подошел к торговцу картинами и, посмотрев на картину императора с супругой на тройке, заявил: «какую ты тут продаешь херовину вверх ногами». Заявитель Кравченко взял в руки картину, показывая ее народу, сказал: «Будьте свидетелями, разве это херовина, это Государь Император», но толпа разошлась в разные стороны» [48, л. 8]. В апреле 1899 г. башкир Тукумбетов матерно сказал про царя. Кужанак «охватил Тукумбетова за шею и сказал стоявшим башкирам, слышите, что он говорит, разве можно так поносить государя и присягу» — «некоторые из башкир тотчас же разошлись» [24, л. 3]. Отказались свидетельствовать посетители оренбургского трактира, когда в январе 1903 г. сын чиновника Кадошников во всеуслышание заявил, что он «решительно никого не боится, даже самого Государя, мать его ети» [28, л. 1].

Чтобы избежать прикосновенности к событию, невольные свидетели прибегали к разного рода ухищрениям: заявлял, что «был безчувственно пьяным» [43, л. 10—10 об.], пьян и потому ничего не запомнил [36, л. 2]; пожалуй, самый яркий пример — отговорки шести (!) свидетелей: двое просто не слышали, двое были сильно пьяны и не помнят, еще двое именно в этот момент отходили [32, л. 1—1 об.].

Следует учитывать, что очевидцы, даже свидетельствующие по делу, по-своему передавали услышанное. В одном из дел 1904 г. есть любопытный момент. Мещанин Мальцев в публичном доме, показывая на портрет государя, сказал: «что такое государь, что это за личность, что его нельзя е..., он сидит и поглядывает с женою, а на войне кровь проливают, ему надо быть там, а не дома». Эти слова подтвердили две проститутки, но в своей интерпретации. Первый вариант передачи сказанного: «что такое за государь, что это за личность. Я его е... также вместе с его супругой; что он нам за помощник?

Он сидит только со своей женой, а за них кровь проливают. Скажите ему что я его е...». Второй: «чего его не материть? мы за него кровь проливаем. А он, вишь, расселся с Государыней, мать его ети. Е... я его и буду е..., посмотрю на него, что он будет делать во время войны; теперь я ему буду политический преступник» [33, л. 2—2 об.].

Еще один момент: присутствующие осуждали говорившего, но как бы «сор из избы» не выносили. Так, в 1895 г. крестьянин с. Ивановка, находясь в церкви, т.е. среди людей, услышав, что по случаю рождения вел. кн. Ольги будет звон, заявил: «ах, для какой гадины, если бы родился сын, тогда бы следовало звонить». «Один из свидетелей сказал, что тут пахнет водкой, другой — не водкой, а Сибирью» [9, л. 4—6]. Сходная ситуация была в 1898 г. Крестьянка Анна Рогольчева с х. Гурьевский Оренбургского уезда в присутствии стариков неаккуратно высказалась про царя: «что мне царь, с...ь я на него хотела». После упреков она признала, что ошиблась, и просила прощения у присутствовавших [23, л. 1].

Мещанин Рощепкин в конце декабря 1905 г. при свидетелях сказал: «Государь наш поседел от такой работы — пушай его седеет, мать его...». Интересны слова свидетеля: затем Рощепкин воскликнул, «задумавшись, “О, Господи, ведь я неладно сделал”, и в грустном настроении ушел домой» [46, л. 1]. В 1906 г. было возбуждено дело по факту ругани крестьянином с. Григорьевское Оренбургского уезда Н. Рединым в адрес царя — «землю опять оставляют господам и помещикам, нужно учинить бунт, иначе земля не попадет в крестьянские руки». Показательны слова одного из привлеченных в качестве свидетеля: «Никто как будто внимания на это не обратил, потому что такие разговоры были и раньше между народом» [45, л. 20]. И еще одно свидетельство из 1906 г. Во время гулянки полицейский урядник Т. Неверов произнес: «нужно разбить эту думу вместе с государем», — «на что его брат ответил, что хорошо здесь нет никого посторонних, а то бы на Неверова заявили»: «Тогда Неверов пришел в задумчивость и вышел из-за стола» [57, л. 7].

Еще один вариант: нарочитый донос с корыстной целью — сведение счетов, месть и т.п. Власти подобный вариант не только не исключали, но наоборот, рассматривали едва ли не в первую очередь. В пользу этого говорит механизм расследования заявлений: унтер-офицеры, каковым поручалось проведение расследования — иногда негласное, иногда со сбором свидетельских показаний, — должны были в итоге ответить на несколько вопросов: были ли привлекаемые к делу трезвы, какова их репутация и нет ли в возникающем деле «ненавидящих друг друга лиц». По последнему моменту в документах едва ли обязательная строка: «между обвиняемыми и свидетелями ненависти и ссоры не было».

В документах нашли отражение случаи семейных ссор. Так, в 1895 г. крестьянин хутора Михайловский Бурзян-Кипчакской вол. 3-го стана Оренбургского уезда П. Абросимов обвинил сноху Аграфену, что она-де назвала императора дураком [5, л. 8]. В 1904 г. жена казака Г. Бухарина пос. Есаульский Челябинского уезда жаловалась на сходе, что муж бил, бросался с топором, а еще грубо отзывался о царе: «я его возил в фазтоне с Государыней по Смоленску, и он мне, ... его мать, денег не заплатил» [34, л. 2 об.]. Разругавшийся с родственниками мещанин И. Бурцев был обвинен последними в том, что после их призыва, «чтобы он побоялся царя», он якобы выколол на портрете глаза, вышел на улицу, порвал и бросил портрет там [41, л. 1].

Отмечены также случаи мести, причем мотивы ее не всегда были очевидны, как, например, в 1896 г., когда крестьяне пос. Дубаскульский 1 стана Троицкого уезда сообщили на сходе, что якобы священник А. Максимов, обходя с иконой дома, сорвал со стены и порвал на части портрет царя, а в другом доме — царя и императрицы, говоря, что не следует вывешивать их близко к иконам [13, л. 19]. В иных случаях расследование позво-

лило уловить эти мотивы. В 1897 г. отставной фельдшер Н. Овчинников (с. Ермолаевка Оренбургского уезда) упрекал крестьянина Чугунникова за какие-то деньги, тот хотел ударить Овчинникова, но ему не позволили это сделать, тогда Чугунников пошел и заявил о матерном ругательстве Овчинникова: «е... твою мать с Государем и Царством» [14, л. 1, 2]. 15 ноября 1910 г. в д. Мидеяково Челябинского уезда Бикбов поднял в канцелярии волостного правления записку, где среди прочего было написано, что «правительство мер не принимает». Автором он назвал И. Беймуратова. При расследовании другой свидетель показал, что Бикбов, наклонившись, как будто (!) поднял записку с полу, а затем объявил всем свидетелям: «держите себе в уме, так как по этому делу будет дознание, я буду писать прошение полиции». Как выяснилось, причина доноса — его разногласия с правлением [59, л. 57]. В марте 1911 г. киргиз 1 аула Ара-Карагайской волости Кустанайского уезда И. Байсенгиров подал «прочение» от киргиз 1 аула: «...мать, собака, суволошь, безбожники, ни х... не знает и Сарь ни о чем не знает». Проверка показала, что никто из якобы подписавших в действительности никакого прошения не подавал [58, л. 20].

В 1911 г. рабочие, трудившиеся поденно у крестьянина И. Собакина в с. Кочердык Челябинского уезда, не получили от него своевременного расчета и отправили по почте заявление, что он-де ругал царя «сукиным сыном, подлецом, кормящим за чужой счет лентяев». Расследование обнаружило крестьянина Писарева, сообщившего, что к нему пришли шесть человек, попросили составить прошение, что «Собакин при них скверно выражался о царе», от имени двух, остальные намеревались идти как свидетели [60, л. 4 об., 87 об.]. В 1915 г. крестьянка д. Лекарева Троицкого уезда Ляпичева оговорила, как показало следствие, по злобе агента Зингера И. Гимбурга за угрозу ареста имущества из-за невыплаты долга, приписав ему дерзкие слова «дурак царь кормил вас, надо бы с голоду заморить вас» [64, л. 31].

И если, по мнению Б. Г. Литвака, подобные заявления являются свидетельством низменности мотивов и уровня сознания доносчиков, то, на наш взгляд (оставляя за скобками моральную оценку клеветы), это прежде всего свидетельство уровня правосознания: цель ложного доноса — создать проблемы кому-либо, а для этого нужно знать и о существующей статье, и о механизме расследования, и о возможных последствиях. Наиболее показательной является ситуация, имевшая место в 1905 г., когда по инстанциям было представлено письменное заявление казака учителя пос. Арсинский Я. Луконина, обвинявшего подъесаула Г. Енборисова, что тот якобы, глядя на портрет, сказал: «Да, сукин сын Витте заключил позорный мир и этого идиота (указывая на портрет Государя) смутил дать манифест о свободе, а дубина Вел. кн. Николай Николаевич способствовал Витте» [42, л. 11—12]. Здесь интересно то, что незадолго до этого аналогичное заявление было подано на самого Луконина, что якобы он говорил казакам: «теперь свобода, стали все равны, а начальников, станového пристава, атаманов станиц и отдела “нужно вымести помелом”, а атаману отдела нужно было бы распороть живот и вытрясти все казачьи крохи» [37, л. 17]. С большой долей вероятности можно предположить, что, испытав на себе последствия доноса, Луконин намеренно постарался устроить те же проблемы подъесаулу. Сходная ситуация отмечена в 1910 г., когда властям было сообщено об оскорблении царя крестьянином Орского уезда Рыскуловым: расследование выяснило, что это была ему месть за дачу показаний в суде в 1908 г. [72, л. 15]. Или вновь вернемся к уже упомянутому выше эпизоду 1911 г., когда рабочие, намеревавшиеся отомстить не заплатившему им за работу Собакину, грамотно оформили сообщение от двоих, оставив четверых в резерве как гарантированных свидетелей.

И еще один показательный момент, явно свидетельствующий в пользу того, что люди порой намеренно стремились придать делу политический характер, по сути провоци-

ровали. Так, канцелярский смотритель Троицкого уездного казначейства И. Мельников подал городскому судье прошение, что некто Т. Первухин обругал его паршивым и кошмой из-за потерянной трости. Интересна постановка акцентов: якобы Мельников сказал обидчику: «как ты можешь называть меня паршивой кошмой, называя меня так, ты называешь и его высочество наследника цесаревича, который состоит атаманом всех казачьих войск» [10, л. 40]. Сходным образом в 1896 г. в мае хозяин прииска в Верхнеуральском уезде после получения известия о коронации царя выставил всем по две чарки водки. Спустя какое-то время толпа вновь пошла просить: «мало, а тут такое торжество». Сын компаньона выразился в ответ: «язви вас с вашим государем, ступайте вон», на что запасной рядовой Капустин спровоцировал драку с криком «как ты смеешь ругать нашего государя» [21, л. 4—5]. 15 мая 1896 г. орские мещане заявили полицейскому надзирателю, что купили $\frac{1}{4}$ ведра водки и стали пить на базарной площади. Поднесли стакан члену Орской городской управы Ф. Молочникову выпить за царское здоровье, на что последний крикнул на них: «убирайтесь к черту и с ним» — вывод в заявлении: «они поняли, что под словом “с ним” Молочников относится к особе Государя Императора» [69, л. 12].

Достаточно неожиданным может быть наблюдение, что усиление ответственности по уголовной статье, по сути «за длинный язык», в итоге дало определенный эффект. Стало возможным приструнить тех, кто ранее откровенно злоупотреблял своим положением. Так, в 1895 г. был привлечен крестьянин с. Спасское Спасской волости Блиничкин, назвавший покойного Александра III «пошлым дураком». В 1882 г. его наказывали за кражу проса, в 1893 г. — за карточную игру, в 1895 г. — за хулиганские действия в отношении другого крестьянина [68, л. 10—10 об.]. А. Ивлев, временный оренбургский купец из крестьян с. Ивановки Каликинской волости 2-го стана Оренбургского уезда, тогда же, в 1895-м, оскорбил великую княжну, расследование обнаружило, что он вообще ругает всех, из-за чего у него прозвище Аблай Иванович [9, л. 4—6]. Только в 1914 г. был взят под стражу крестьянин Челябинского уезда И. Кашутин, который начиная с 1904 г. «с целью оказать дерзостное неуважение верховной власти неоднократно и публично порицал существующее государственное устройство и верховную власть» [63, л. 3 об.].

Наряду с непониманием (напускным или искренним) сути содеянного как правонарушения особый интерес представляют ситуации, когда виновный понимал, что поступает неправильно, но по какой-либо причине полагал, что останется безнаказанным. В 1897 г. крестьянин Д. Румынин в д. Подгородняя Покровка бросил на пол папиросочницу с ликом государя, в ответ на замечание: «смотри, ты бросаешь лик Государя Императора» — заявил, «что мне это ничего не стоит и ничего не значит» [11, л. 11]. Тогда же в 1897 г. отставной канцелярский служащий Н. Назарьев на постоялом дворе в Верхнеуральске сказал оскорбительную матерную фразу о царе, отреагировав на замечание: «что ты мне сделаешь, хочешь, повторю», и повторил [12, л. 1]. В 1897 г. во время спора о потраве в Оренбургском уезде крестьянин И. Труфанов сказал, что «судьи рассудят», на что пострадавший Рюмин отвечал: «х... издал государь, а не закон, черт он» и т.п. Труфанов пригрозил донести. — «Ты еще донести-то не сумеешь, если бы ты был барин или купец, я побоялся бы, а при тебе как хочу, так и ругаю царя» [15, л. 1—2]. В 1898 г. запасной рядовой из крестьян М. Поляков, обозвавший царя, рассуждал: «разве я убил человека или украл, что мне будет, ничего не будет» [18, л. 2—4]. И тогда же, в 1898 г., оренбургский мещанин Капустин в ответ на упрек в оскорблении царя ответил: «я не боюсь, у меня есть кум жандарм» [17, л. 3—4]. Интересно, что в дальнейшем, после 1898 г., никаких подобных суждений не было зафиксировано.

Авторы, ранее касавшиеся темы «оскорбления Величества», пытались дифференцировать отраженные в документах «произнесения», что в принципе вполне возможно,

хотя, конечно, группировка будет более чем условная. Первое, что бросается в глаза, это, конечно же, матерная ругань. Мы не считаем необходимым видеть в таковой какой-либо глубинный социальный смысл, как об этом в свое время высказывался, например, Б. Г. Литвак, полагавшей ругань «самой первоначальной, слабой, эмбриональной формой эрозии пиетета царя в глазах крестьян» [74, с. 37].

Значительное количество случаев высказываний связаны с матерщиной и иными не менее грубыми словами — по нашим подсчетам, 73,6% общего числа. И действительно, в большинстве случаев матерные обороты были именно расхожими оборотами, распространенными речевыми формами без конкретного адресного содержания, что, конечно, свидетельствует о культурном уровне говоривших. Вот зафиксированный «диалог» трех крестьян с. Ломовки в 1909 г., подвергнутых аресту за незаконную порубку: С. Ручкин: «а что мы сидим, какие у нас законы, е... его мать с царем-то». Е. Зимин: «да, мать его ети». Я. Кузнецов: «да» [54, л. 5.]. Показательны слова казака Уйской станицы П. Некрасова (1895), пытавшегося объяснить свою грубость почти афористично: «по заочь и Государя е...». Еще более афористично, почти пословицей, звучали слова свидетеля, пытавшегося защитить Некрасова: «по заочи и царя бранят» [8, л. 3, 4].

В определенных ситуациях царь выступал не как монарх, не как высшая власть, но скорее как высший мыслимый уровень, предел допустимого: «я царя и то ругал, он ругасак, христианин, мальчишка, 15 лет, е... его мать, а я имею от роду 40 лет и он мне ни х... не сделает» (д. Ишбульдино Тангауровской вол., Б. Кузяшев, 1895) [7, л. 50]; торговец оскорбил в своей лавке казака — «да если бы и сам государь попался мне в статском платье, я, не зная, что это государь царь, сказал бы е... его» (мещанин г. Троицка Ф. Дегтярев, 1896) [19, л. 1—2]; «если бы царь квартировал у меня на квартире... то я и царя выгнал бы из квартиры» (домовладелец П. Нехайчиков, г. Оренбург, 1899) [52, л. 1]; «я прокурору харю набью, для меня хоть царь приезжай, я и царю морду набью» (торговец П. Чиркин на базаре в Челябинске, 1899) [25, л. 1]; «решительно никого не боится, даже самого Государя, мать его ети» (сын чиновника Кадошников, 1903) [28, л. 1].

Если все же проанализировать зафиксированные заявления, то получается следующий результат. В особую группу попадают заявления совершенно бредового характера, неумные и по сути нелепые: «У Государя Императора есть х..., и у Государыни п..., они также е...ся и у Иисуса Христа есть х...» (1897) [12, л. 1]; «какая у нас государыня красивая и мягкая, знать то она п...тая» (1897) [16, л. 5 об.]; «у государя в доме есть бардак» (1898) [20, л. 3—4]; «мать его ети Бога в печенку, в почки, в самое сердце мать его ети и святых мать его ети и царя мать его ети» (1899) [23, л. 2 об.]; «нам не нужен царский род, тем более что наследник престола у нас выблюдох, его сделал лейб-гвардии офицер, а государь живет с артисткой» (1905) [39, л. 1]; в 1906 г. казанский мещанин Г. Коровин в Оренбурге назвал государыню императрицу «заморские сучки» [44, л. 1—1 об.]; императрица Мария Федоровна — «старуха старше поповой собаки» (1916) [65, л. 1].

Отдельные заявления с достаточным основанием можно отнести к слухам с применением к ним тех же критериев, в частности относительно источников информации. К таковым можно отнести и случайно услышанные разговоры, и неверно понятые газетные заметки, и многое иное, сегодня практически не улавливаемое: «Ему преподнесет какую-нибудь бумажку Ламздорф, министр иностранных дел, государь и знает написать на ней “Николай II”, а содержание этой бумажки понимает ноль» (1904) [30, л. 2]; «Генералы-подлецы награбили денег и поехали за границу покупать имения» (1905) [56, л. 2]; «Государя не надо, а надо его выбирать на каждые три года... вел. кн. Сергея Александровича приговорило общество в 450 чел., убийство совершил Андрей и что нужно истребить все поколение Романовых» (1905) [47, л. 163]; «нужно выборного государя по

примеру заграничных» (1905) [40, л. 11]; «Во Франции сколько бились, как вот и у нас, а потом перебили всех министров и самого государя, и у нас не минует этого, кончают всех и тогда пойдет новое распоряжение и жить будет лучше» (1906) [50, л. 1]; «государь увез за границу три воза золота, это всем известно» (1906) [38, л. 9 об.]; «Государь, собирая подати с крестьян, пропивает все и его мать царица ведет распутную жизнь» (1906) [49, л. 1—1 об.]; «народил девок и открыл свой бардак, а мать государева, таскавшись по бардакам, захватила нехорошую болезнь и у нея провалился нос, а у наследника руки — лошадиные копыта» (1908) [53, л. 2]; «наследник незаконнорожденный, царица Екатерина во время своего царствования выбирала для ночлега с собою солдатиков сальных, которые и пропадали неизвестно куда» (1912) [62, л. 1]. По последнему случаю выскажем предположение, что источником послужила случайно попавшая в руки крестьянина Челябинского уезда какая-нибудь скандальная брошюрка, каковых немало было издано в период первой революции, типа «Любовники Екатерины» Марии Евгеньевой.

По сути, все высказанное есть неудовольствие царем, но не как монархом, не как единоличным правителем, но скорее как главой всего, который обязан исполнять определенные функции, заботиться о народе и т.п. (сюда удачно вписываются отмеченные случаи, когда крестьяне высказывались за «выборного государя» на три года — что явно шло вразрез с монархическими представлениями). И с этой точки зрения происходила оценка действий царя (или приписываемых царю) с высказыванием претензий и определенной критики. Показательны заявления: «я им недоволен, он для нас ничего хорошего не сделал» (крестьянин Рюмин, Бугурусланский уезд, 1897) [15, л. 1—2]; «государь поступает несправедливо» (крестьянин Н. Морозов, 1900) [26, л. 1]; «государь все неправильно делает» (ссылный крестьянин П. Петров, Челябинский уезд, 1905) [37, л. 1]; «государь для крестьян делает все неправду» (крестьянин П. Прилепин, Оренбургский уезд, 1906) [51, л. 80 об.]; царь «никакой помощи крестьянам не дает» (Н. Шашлов, Спасская волость Оренбургского уезда, 1906) [53, л. 4 об.]; «начальство само заставляет народ бунтовать, а царь за ним нисколько не смотрит» (верхнеуральский мещанин С. Разсохин, Троицкий уезд, 1908) [55, л. 2 об.]; «он [царь] обманул нас, изменил своей клятве» (учитель белоярской ЦПШ И. Передерий, 1911) [61, л. 35 об.].

Если говорить более детально, то конкретные события неизбежно находили отклик в массах, все с тех же позиций ожидаемых от царя действий: критика из-за поражений в русско-японскую войну, из-за Государственной думы — причем были упреки как за ее созыв, так и за ее роспуск. Но все же основным и постоянным неудовольствием было то, что земля по-прежнему не была крестьянской: «покойный государь Николай Павлович обещал нам бесплатно дать землю, а этот царь разорил нас... за то, что не дает земли» (1877) [3, л. 62]; «Государь делает лишь то, что хотят помещики, и что поэтому крестьяне не могут получить в собственность земли» (крестьянин Маркин, Узьянский завод, 1903) [70, л. 68 об.]; «У меня земли нет, за что ему служить и платить... на войну он берет, а земли крестьянам не дает» (крестьянин Е. Дьяков, Орский уезд, 1905) [66, л. 141 об.]; «землю опять оставляют господам и помещикам, нужно учинить бунт, иначе земля не попадет в крестьянские руки» (крестьяне Г. и Н. Редины, с. Григорьевское Никольской вол., Оренбургского у., 1906) [45, л. 7]; царь «дурак, мошенник, что не наделяет землей» (М. Сундуков, крестьянин Авзяно-Петровского завода, 1908) [71, л. 14]; «царь плохой, людей вешает, а хлеба и земли не дает» (машинист мельницы Т. Стрельников, район Павловской станицы, 1909) [56, л. 1]; «во время русско-японской войны его императорское величество государь император обещал войскам Киевского и Варшавского военных округов дать после окончания войны землю, но обманул их, и что по окончании настоящей войны в России будут беспорядки» (крестьянин Григорий Горохов, пос. Еткульский,

1915) [73, л. 76]; «что, разве Его, государя, украдут, что ли? Я вот не пошел в сражение и не пойду. Что вы говорите про государя? Земли что ли он вам дал?» (рядовой 7-го запасного кав. полка Т. Захаров в Авзяно-Петровском заводе, 1916) [67, л. 2 об.]

Все заявления и суждения, зафиксированные в делах об «оскорблении Величества», можно полагать естественной выборкой, сами дела — массовым источником, и, соответственно, есть возможность для анализа информации и формулирования выводов. Мы ставим под сомнение возможность каких-либо аргументированных суждений относительно того, что подобные заявления, зафиксированные в следственных делах, есть свидетельство прежде всего разрушения принципов «наивного монархизма» в сознании масс, а также выводы о массовости и всеобщности подобных перемен. Прежде всего само понятие «наивный монархизм» крайне условно и не имеет четко определенного содержания, почему исследователи, используя данное понятие, нередко давали ему свое наполнение и толкование. Но гораздо важнее, что мы имеем дело действительно с естественной выборкой, но с заданной тематикой, т.е. информацией изначально со знаком «минус». Гипотетически рассуждая, можно предположить, что на эти несколько сотен критических суждений приходились (могли приходиться) тысячи и тысячи положительных, но нигде не зарегистрированных. Между тем как раз сопоставление тех и других дало бы более адекватную картину перемен в сознании масс. Впрочем, сделать это невозможно; но это объясняет, почему прежние авторы вынуждены были прибегать к нарочитому акцентированию на единичных случаях оскорблений, придавая им особую значимость. Не стоит обманываться — сокращение в делах эпизодов с матерными речами и увеличение высказываний с политическим подтекстом также никак не является свидетельством роста крестьянского сознания. Скорее это говорит о том, что власти на местах, не имея альтернативы, стали игнорировать матерщину, сосредотачиваясь на политических заявлениях, что дало соответствующие, казалось бы, неоспоримые данные.

Выскажем мнение, что критика в адрес вышестоящей власти (в данном случае царя) не есть проявление бунтарства как такового, но, напротив, признание этой власти, поскольку требовать корректировки проводимого курса, начинаний и проч. от того, кого не признают за власть, по сути, неразумно и бессмысленно.

Именно поэтому мы полагаем, что дела «об оскорблении» есть интересный и представительный источник прежде всего по уровню правосознания масс и определенная динамика, наблюдаемая на протяжении длительного периода, убедительно свидетельствует о развитии такового.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX — начала XX века (региональный аспект)», проект № 15-01-0017.

Список использованных источников и литературы

1. Виноградов В. А. Антицаристские высказывания крестьян — форма идейного выражения классовой борьбы в пореформенной деревне: 60-е — начало 80-х гг. XIX в. (по материалам Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний) // Вопросы историографии и истории крестьянства. Калинин, 1975. С. 50—68.
2. Виноградов В. А. Источники для изучения мировоззрения пореформенного крестьянства // Источниковедение отечественной истории. М. : Наука, 1980. Вып. 1. С. 157—176.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 60.
5. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 143.
6. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 144.
7. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 147.

8. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 153.
9. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 157.
10. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 159.
11. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 164.
12. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 169.
13. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 170.
14. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 173.
15. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 181.
16. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 188.
17. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 208.
18. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 211.
19. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 216.
20. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 219.
21. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 220.
22. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 223.
23. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 234.
24. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 240.
25. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 247.
26. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 255.
27. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 274.
28. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 14.
29. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 16.
30. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 21.
31. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 33.
32. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 34.
33. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 41.
34. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 42.
35. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 43.
36. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 45.
37. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 79.
38. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 83.
39. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 86.
40. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 89.
41. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 94.
42. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 97.
43. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 100.
44. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 119.
45. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 127.
46. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 134.
47. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 159.
48. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 214.
49. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 224.
50. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 236.
51. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 239.
52. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 242.
53. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 316.
54. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 353.
55. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 367.
56. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 386.
57. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 402.
58. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 408.
59. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 432.
60. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 445.
61. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 446.
62. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 463.
63. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 532.
64. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 559.
65. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 581.

66. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 609.
 67. ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 2.
 68. ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263.
 69. ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 272.
 70. ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 353.
 71. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 300.
 72. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 397.
 73. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 440.
 74. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М. : Мысль, 1988. 237 с.
 75. Каревская А. Г. Крестьянство Самарской губернии в годы второй революционной ситуации в России (конец 70-х — нач. 80-х годов XIX в.) // Научные труды Куйбышевского ГПИ им. Куйбышева. Куйбышев, 1975. Т. 160. Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. 5. С. 54—62.
 76. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 42—47.
 77. Кузнецов И. В. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX — нач. XX в. по следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 215—226.
 78. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989.
 79. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Изд. Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. 130 с.
 80. Пищулин В. Народновольческое движение 70-х годов в Оренбургском крае // Труды общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1922. Вып. 3. С. 90—116.
 81. Сафонов Д. А. Деятельность правоохранительных органов России конца XIX — начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества» [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 171—184. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/17_20_2016.pdf.
 82. Трофимов Д. В. Социально-политические настроения российского крестьянства в пореформенный период 1861—1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. URL: <http://dl.lib.ua-ru.net/diss/cont/66035.html>.
 83. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: Издание 1885 г. и по прод. 1912 г.: С извлеч. из решений Правительствующего сената, Свода законов, сводов воен. и мор. постановлений, с указанием подсудности, судопроизводств. правил и прил. / сост. В. В. Волков, товарищ прокурора С.-Петербур. окр. суда. Неофиц. изд. СПб. : Юрид. кн. маг. И. И. Зубкова, п./ф. «Законоведение», 1914. XII, 1464 с.

Поступила в редакцию 05.04.2017

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
 Оренбургский государственный университет
 Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
 E-mail: d_safonov@mail.ru

UDK 94(470.56).084

D. A. Safonov**“Leše majeste” as an indicator of social consciousness of the provincial society of late XIX — early XX centuries**

Continuous study of criminal cases in one region — Orenburg province — that were brought on “leše majeste” article (Article 246 of the Penal Code and Criminal Corrections (1885) and Article 103 of the Criminal Law (1903)), led to a number of observations: records of the words of the accused can be considered like their perception of life of the higher echelons of power. Within this period a palpable evolution in the attitude of masses towards the rule of law can be seen. The common idea, which exists in historiography, that those materials are the evidence of mass rejection of the “naive monarchism” and their attitude to the autocracy must be corrected.

Key words: province, social awareness, sense of justice, autocracy, “leše majeste”, tsar.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor

Orenburg State University

Russian Federation, 460018, Orenburg, prospect Pobedy, 13

E-mail: d_safonov@mail.ru

References

1. Vinogradov V. A. Antitsaristskie vyskazyvaniya krest'yan — forma ideinogo vyrazheniya klassovoi bor'by v poreformennoi derevne: 60-e — nachalo 80-kh gg. XIX v. (po materialam Tverskoi, Yaroslavskoi, Kostromskoi i Nizhegorodskoi gubernii) [The anti-tsarist utterances of peasants are a form of ideological expression of the class struggle in the post-reform village: the 60s — the beginning of the 80s. XIX century. (Based on the materials of the Tver, Yaroslavl, Kostroma and Nizhny Novgorod provinces)]. *Voprosy istoriografii i istorii krest'yanstva* [Questions of Historiography and the History of the Peasantry]. Kalinin, 1975, pp. 50—68. (In Russian)
2. Vinogradov V. A. Istochniki dlya izucheniya mirovozzreniya poreformennogo krest'yanstva [Sources for studying the world outlook of the post-reform peasantry]. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii* [Source Studies of Russian History]. Moscow, Nauka Publ., 1980, is. 1, pp. 157—176. (In Russian)
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 21. Op. 1. D. 6.
4. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 60.
5. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 143.
6. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 144.
7. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 147.
8. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 153.
9. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 157.
10. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 159.
11. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 164.
12. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 169.
13. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 170.
14. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 173.
15. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 181.
16. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 188.
17. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 208.
18. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 211.
19. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 216.
20. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 219.
21. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 220.
22. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 223.
23. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 234.
24. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 240.
25. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 247.
26. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 255.

27. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 274.
28. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 14.
29. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 16.
30. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 21.
31. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 33.
32. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 34.
33. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 41.
34. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 42.
35. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 43.
36. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 45.
37. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 79.
38. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 83.
39. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 86.
40. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 89.
41. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 94.
42. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 97.
43. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 100.
44. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 119.
45. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 127.
46. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 134.
47. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 159.
48. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 214.
49. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 224.
50. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 236.
51. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 239.
52. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 242.
53. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 316.
54. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 353.
55. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 367.
56. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 386.
57. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 402.
58. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 408.
59. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 432.
60. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 445.
61. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 446.
62. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 463.
63. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 532.
64. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 559.
65. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 581.
66. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 609.
67. GAOO. F. 21. Op. 9. D. 2.
68. GAOO. F. 10. Op. 3. D. 263.
69. GAOO. F. 10. Op. 3. D. 272.
70. GAOO. F. 10. Op. 3. D. 353.
71. GAOO. F. 10. Op. 4. D. 300.
72. GAOO. F. 10. Op. 4. D. 397.
73. GAOO. F. 10. Op. 4. D. 440.

74. Kabytov P. S., Kozlov V. A., Litvak B. G. *Russkoe krest'yanstvo: etapy dukhovnogo osvobozhdeniya* [Russian peasantry: the stages of spiritual liberation]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 237 p. (In Russian)

75. Karevskaya A. G. Krest'yanstvo Samarskoi gubernii v gody vtoroi revolyutsionnoi situatsii v Rossii (konets 70-kh — nach. 80-kh godov XIX v.) [The peasantry of the Samara province in the years of the second revolutionary situation in Russia (late 70s — early 80s of the XIX century)]. *Nauchnye trudy Kuibyshevskogo GPI im. Kuibysheva* [Scientific works of the Kuibyshev SPI n.a. Kuibyshev]. Kuibyshev, 1975, vol. 160, is. 5, pp. 54—62. (In Russian)

76. Konovalova N. A. Ob izuchenii problemy oskorbleniya krest'yanami osoby gosudarya imperatora v nachale XX veka [On the study of the problem of insulting peasants by the emperor's sovereignty in the early twentieth century]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 42—47. (In Russian)

77. Kuznetsov I. V. *Obraz tsarya v soznanii krest'yanstva Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nach. XX v. po sledstvennym delam ob oskorblenii imeni i titula imperatora i chlenov imperatorskoi sem'i* [The image of the tsar in the consciousness of the peasantry of the Vologda province in the second half of the XIX — beginning of XX century. On investigative matters about insulting the name and title of the emperor and members of the imperial family]. *Vestnik arkhivista*, 2013, no. 3, pp. 215—226. (In Russian)

78. Litvak B. G. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1775—1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The peasant movement in Russia in 1775—1904. History and methods of studying the sources]. Moscow, 1989. (In Russian)

79. *Novoe ugovolnoe ulozhenie, Vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.* [The new criminal code, Highest approved on March 22, 1903]. St. Petersburg, Kamennostrovskogo knizhnogo magazina V. P. Anisimova Publ., 1903. 130 p. (In Russian)

80. Pishchulin V. *Narodovol'cheskoe dvizhenie 70-kh godov v Orenburgskom krae* [“Narodnaya Volya” movement of 70-ies in the Orenburg region]. *Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Krai]. Orenburg, 1922, is. 3, pp. 90—116. (In Russian)

81. Safonov D. A. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossii kontsa XIX — nachala XX veka po pravoprimeneniyu statei ob “oskorblenii velichestva”* [Activities of law enforcement authorities of Russia in late XIX — early XX century on the enforcement of “lese Majeste” articles]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 171—184. Available at: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/17_20_2016.pdf. (In Russian)

82. Trofimov D. V. *Sotsial'no-politicheskie nastroyeniya rossiiskogo krest'yanstva v poreformennyi period 1861—1905 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-political sentiments of the Russian peasantry in the post-reform period of 1861—1905. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2005. (In Russian)

83. Volkov V. V., comp. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh: Izdanie 1885 g. i po prod. 1912 g.: S izvlech. iz reshenii Pravitel'stviyushchego senata, Svoda zakonov, svodov voen. i mor. postanovlenii, s ukazaniem podsudnosti, sudoproizvodstv. pravil i pril.* [The Code of Criminal and Correctional Penalties: Edition of 1885 and Prod. 1912: With extract. From the decisions of the Governing Senate, the Code of Laws, military and navy codes, decisions, indicating jurisdiction, legal proceedings, rules and adjustments] St. Petersburg, Yurid. kn. mag. I. I. Zubkova, p./f. “Zakonovedenie” Publ., 1914. XII, 1464 p. (In Russian)